

М. С. Семенюк,
журналист

По следу «старого соболя»

Где взять деньги? Мысль эта тревожит многие музеи страны. Как жить? На какие средства расширять экспозиционную базу? Искать, как в прежние времена, богатого мецената, который бы отчислил энную сумму на содержание и развитие музея, или зарабатывать самим? Нынешние перспективные меценаты в преддверии рынка не особенно горазды раскошеляться: сами не знают, куда назавтра кривая вынесет. И как бы ни коробила своим выпяченным прагматизмом мысль о деньгах, без них, к сожалению, не обойтись. Но только ли в них одних, деньгах, ключ к разрешению всех проблем?

Постоянно я приходил к этому пониманию, уж в который раз размышляя над документацией по Нижнетагильскому музею-заповеднику горнозаводского дела, и мысленно возвращался к подножию Каменного пояса России, в бывшую горную «империю» Демидовых, откуда начинался почти двухвековой триумф «старого соболя» — славы и гордости отечественной металлургии.

К чести нынешнего директора Нижнетагильского музея-заповедника, старейшего работника культуры Ивана Григорьевича Семенова, надо сказать, что он много успел сделать еще в застойные времена. Вместо крохотного краеведческого музейчика тагильчане имеют теперь крупнейший на Урале государственный заповедник с филиалами в Висме, Кушве, Нижней Салде, Качканаре. Но и на этом подвижничество Ивана Григорьевича не исчерпало себя: три года назад музей смог реализовать замысел, который на протяжении многих лет требовал осуществления — взять под свое крыло в качестве филиалов старый демидовский завод и Высокогорский карьер. Кстати, именно в 1987 году был окончательно остановлен на заводе доменный цех, отработавший на благо России без малого триста лет. А в январе 1989-го статус первого в стране отраслевого

музея-заповедника был закреплен местным приказом Министерства черной металлургии СССР и республиканского Министерства культуры.

Даже самое обстоятельное описание завода вряд ли может сравниться с тем впечатлением, которое возникает, когда видишь его воочию. Залегший у бывшей горы Высокой, запрудивший своей плотиной речку Тагил, металлургический филиал, каковым он являлся в течение прошлых веков, звучит мощным аккордом в архитектурной симфонии — панораме города. С колошниковой площадки доменной печи, куда на высоту в полсотни метров по шаткой проржавленной лестнице мы поднялись с заместителем директора музея Г. Я. Овечкиным, ставшим на время моим гидом, открылся прекрасный вид на Лисью гору, увенчанную сторожевой башней, на церковь Александра Невского, что в Старой Гальянке, заложенную более века назад, недавно возвращенную верующим, и далее — Свято-Троицкую церковь, жилой район Малой Кушвы и бескрайний простор Тагильского пруда.

— «Кормили» доменную печь в прошлые времена самым архаичным способом, — рассказывает Георгий Яковлевич. — Железную руду, шихту и прочие необходимые по технологии материалы поднимали на помост лошадиной тягой и вручную сбрасывали в открытое жерло агрегата. Слово угли в самоварную трубу — глаза только береги. Из жерла вырывался газ, пламя, искры. Представьте себе эту картину. На колошнике круглые сутки угленосы, засыпщики с лопатами. В ночное время поддонник освещался одной пятилинейной лампой. Подростки, как правило, работали светильщиками. В этом кромешном аду, если кто угорал насмерть, было вполне заурядным явлением.

Мы опускаемся в доменный цех. Овечкин показывает летку, откуда раскаленная чугунная лава растекалась по много-

численным бороздам и застывала. Так было, когда здесь стояли еще демидовские печи. Сейчас об этом времени могла бы рассказать лишь заводская стена из «дикого» камня. Помнит она и первого Демидова — тульского оружейника Никиту Антуфьева, заложившего у горы Высокой первую домну. Легендами овеяно имя мастеровитого туляка, не боявшегося дерзким словом ответить и самому государю Петру.

— Сперва сделай, мошенник, потом хвались! — осерчал как-то Петр, отмерив похвалу тульского мастерового увесистой оплеухой. Встряхнувшись, Никита Антуфьев дерзко отвечал на государеву «милость».

— А ты, царь, сначала узнай, потом дерись, — и достал другой пистолет, сказав, что прежний, только что отданный царю, сделан им, а вот этот, который велел ему царь починить, и есть заграничный. По одной из легенд именно так состоялась встреча тульского оружейника с Петром I, ставшая отправной точкой в поразительном взлете крупнейшего для своего времени промышленника.

Всего месяц с небольшим не дожидаясь Никита Антуфьев до славного часа, когда 25 декабря 1725 года его завод выдал первый чугун. А уже в следующем году на заводском дворе имелись доменные четыре печи. Достойным преемником отца стал его сын Акинфий, который после себя оставил 21 «железный» и медеплавильный завод, два соляных промысла, дома в Петербурге, Москве, Ярославле, Казани, Екатеринбурге...

— Вот эти-то стены и были родительской купелью «старого соболя» — говорит Георгий Яковлевич.

Внесем ясность: «старый соболя» — марка уральского железа, получившая известность и признание во всем мире. Символический смысл имело изображение гибкого пушистого зверька на клейме: железо «доброе» и «мягкое», как соболиный мех. А сопутствующие ему литеры С. С. Н. А. Д. обозначали — статский советник Никита Акинфиевич Демидов. Всякой иной продукции предпочитали западные предприниматели уральское железо с клеймом демидовских заводов. Не раз в департамент внешней торговли Российской империи поступали донесения о попытках подделки иностранными конкурентами демидовского клейма. В течение всего прошлого века сохранял за собой «старый соболя» на международном рынке пальму первенства: в 1851 году на Всемирной выставке в Лондоне тагильские заводы получили три бронзовые медали, в 1867 году на подобной же выставке в Париже уральские мастера железных дел удостоились золотых наград, а в 1878-м на очередной

Парижской всемирной выставке «старый соболя» завоевал высшую награду — Гран-при.

Из-под 20-пудовых кричных молотов, приводимых в движение водяной мельницей (вода вдыхала жизнь во все механизмы завода), и появлялся на свет «старый соболя». Лучшие образцы Англии, Швеции, Франции, стран с наиболее развитым металлургическим производством, не шли в сравнение с металлом, отмеченным клеймом с изображением пушного зверька.

Может показаться, что само провидение указало первому Демидову на место строительства завода: обилие воды — основного энергетического источника, леса как топлива, а главное — близость богатейшего Высокогорского рудника. И не раз спросишь себя: как при самой простейшей организации производства, минимуме технологических премудростей достигались столь поразительные результаты? Былая слава демидовских заводов золотыми буквами вписана в историю не только отечественной, но и мировой металлургии!.. Произносишь с гордостью, а в сердце горько отзовется — слава былая. Чем объяснить этот чисто российский феномен: бросить Западу дерзкий вызов, поразить весь мир доселе невиданным и непревзойденным, а потом — бесследно раствориться в небытие?..

Но особая статья — разговор о карьере, который органично вошел в музей-заповедник в качестве одного из филиалов. Карьер и завод — единое целое. Не будь на этом месте горы Высокой с ее уникальными рудными запасами, не было бы и завода, не появился бы и город Тагил. Дух захватывает от этой полуторакилометровой теперь в диаметре ямщи. На отдельных ее уступах еще копошатся рабочие, узкоколейные тепловозики поднимают остатки бросовой руды. Но уже печальная судьба уготовлена ему: как один из возможных вариантов предложено использовать карьер в качестве гигантского резервуара для отходов, превратить в невиданный по масштабам шламоотстойник. Дерзкий по своей кощунственности «проект» вызвал волну возмущения у тагильчан. Местный экологический клуб «Очищение» забил в колокола. Решение судьбы карьера отложили. Надолго ли? И не обернется завтра нынешнее молчание, как это уже не раз бывало, свершившимся фактом экологического вандализма? Покажет время.

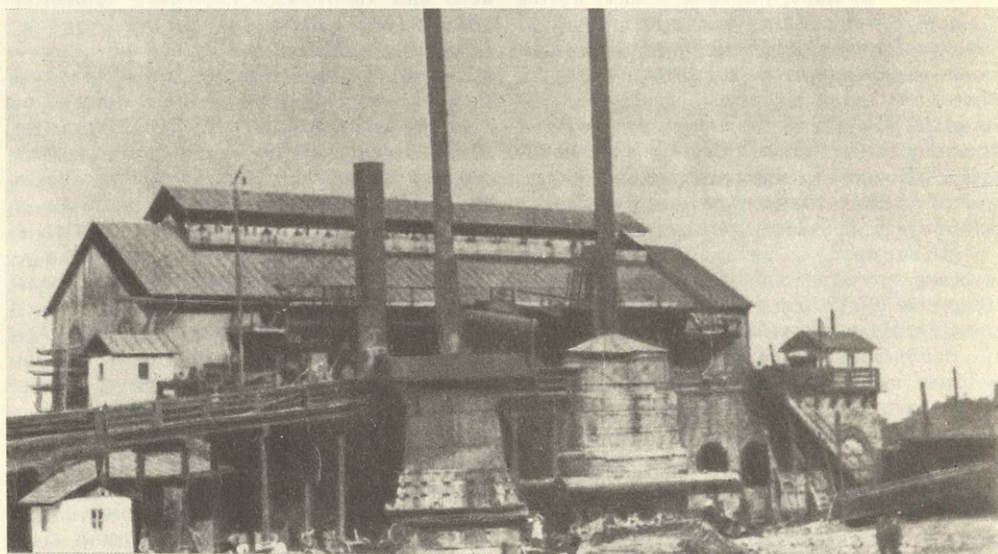
В течение двух веков задавал тон развитию российской металлургии Нижнетагильский завод, совершенствуя производство, выбирая технологические новшества, определяя становление сопут-

ствующих металлообрабатывающих промыслов, а шире — социально-экономическую, культурную жизнь Среднего Урала. 26 крупных памятников техники, поставленных на заводе на государственный учет, последовательно раскрывают историю становления горнозаводского дела. Здесь могли бы вступить в силу удовлетворить свое любопытство и жадные до всякой российской «диковинки» западные туристы, найти пищу для ума историки культуры и техники. И конечно же, эпопея демидовских заводов, отмеченная взлетами и падениями, — исключительный опыт для профессиональных металлургов. В своеобразный историко-технический «Суздаль» должен со временем

И это только начало. Проблем более чем достаточно.

— Значительная часть территории завода до сих пор принадлежит Нижнетагильскому металлургическому комбинату, на которой размещаются три его действующих участка. — Задаю Овечкину встречный вопрос: — Как вы, музейщики, уживаетесь с производственниками?

— Действительно, все объекты завода пока на балансе комбината. Он как финансоводержатель является главным подрядчиком на все реставрационные и ремонтные работы. Мы же, музей, пока находимся на положении бедного родственника. Не захочет «добрый дядя»

Доменные печи.
Конец XIX в.

превратиться музей-завод, входящий со своими филиалами в «золотое кольцо», которое уже получило название — всесоюзный туристический маршрут «Каменный пояс».

— Консервация, реставрация, словом, создание музея-завода — дело новое, необычное. В нашей стране это пока еще первый опыт, — рассказывает Овечкин. — Мы идем непроторенным путем. Поэтому ошибок, конечно, избежать невозможно. Как, впрочем, и в любом начинании...

Более полутора лет идут реставрационные работы на старом демидовском заводе. Дело продвигается медленно. Но все-таки сделано немало: отреставрировано помещение пульта управления доменной печи, идет демонтаж лишних металлоконструкций и оборудования, очистка и покраска доменного цеха, реставрация газоочистной станции, где разместится экспозиция истории завода, проведен капитальный ремонт газоспасательной станции и переоборудование ее под техкабинет... В общей сложности освоено около двухсот тысяч рублей.

заклучить контракт с кооператором, согласившимся на выполнение определенного фронта работ, завтра же этому кооператору другой заказчик отвалит двойную, тройную цену. Такие прецеденты уже бывали в нашей практике. Кстати сказать, работают у нас в основном местные кооперативы, и работают добросовестно: госпредприятиям невыгодно выполнять трудоемкие и сложные реставрационные работы.

— Георгий Яковлевич, а не тяготит ли положение бедного родственника?

— Планы руководства комбината и наши, конечно же, не совпадают. И довольно часто. Мы находимся в полной зависимости от комбината, хотя, честно сказать, благодарны его руководству за понимание и серьезную помощь, которую оно оказывает музею. Но по мере становления заводского музейного комплекса наши пути непременно разойдутся. Завод-музей обретет самостоятельность. И тогда нам, работникам музея, придется самим думать, как зарабатывать средства для существования.

Пока же очень многое упирается в вопросы финансирования реставрационных работ...

Как ни крути, а в итоге мы подошли к разговору о деньгах. Перед Георгием Яковлевичем лежит обширная комплексная программа проектно-сметных, реставрационных, ремонтно-восстановительных работ до 2000 года, заверенная российским министром культуры. Союзное министерство металлургии визуировать проект воздержалось: непредсказуемость завтрашнего дня могла продиктовать свои условия существования отрасли, да и самого министерства. Но как бы угрожающе ни выглядела стихия наступающего рынка, разве можно забывать о культуре? Или во всех утерях и в горячи своей смиримся с хапугой и рвачом?

Но на каждую карту, как говорится, есть свой козырь: коллектив тагильских металлургов ежегодно производит продукции на такие суммы и приносит в государственную казну столько прибыли, что, право, уж какая-то малая доля от всех этих средств могла быть уделена музею. И как тут не вспомнишь благороднейшую традицию меценатства в России, которая поддерживалась и передавалась из поколения в поколение, хотя бы теми же Демидовыми. Возможно, в будущем найдется историк, который напишет поучительнейший труд под названием «История отечественного меценатства». И в ней обязательно будет рассказано, как, к примеру, Николай Никитич Демидов в 1807 году передал один из своих домов Гатчинскому сиротскому институту, в Бородинском сражении принимал участие полк, полностью снаряженный на его средства, в том же 1812 году Демидов подарил Московскому университету богатейшее собрание редких вещей, а в Петербурге построил четыре чугунных моста. Позднее пожертвовал 100 тысяч рублей на дом инвалидов Отечественной войны. И этим отнюдь не исчерпывается его щедрость: в 1824 году Николай Никитич пожертвовал 50 тысяч в пользу пострадавшим от наводнения в Петербурге, отдал один из своих особняков для Дома трудолюбия и вручил его организаторам в качестве подъемного денежного фонда 100 тысяч рублей. После смерти Николая Никитича его сын учредил Демидовскую премию, которая присуждалась Петербургской Академией наук за выдающиеся научные достижения. С 1832 по 1865 год было присуждено 275 Демидовских премий на общую сумму около четверти миллиона рублей. А разве можно подсчитать, насколько велик вклад Демидовых в развитие, говоря современным языком, социально-культурной сферы города Тагила, да и

всего Среднего Урала. Вот — на все времена пример деятельной преданности Отечеству.

Увы, на нынешнее начинание тагильчан по созданию уникального музея не откликнулись пока ни Фонд культуры, ни какая-либо другая организация. Но если бы дело упиралось только в деньги.

— При общем понимании проблемы на всех этажах местной власти реальной помощи пока очень мало, — завершает свой рассказ Овечкин. — Как-то по-особенному врезался в память один случай. Необходимо было с отдаленного участка вывезти изложницы в качестве будущей экспонатуры. Прошу рабочих, мол, ребята, помогите — дело-то вроде святое.

Рабочие Демидовского завода. XIX в.

Отвечают, кто это, мол, его освятил? Народу, того, другого не хватает, а вы тут с каким-то музеем! Похоже, и наши власти в своем практическом отношении к нуждам музея недалеко ушли от этих парней...

И все же будем верить: проект тагильчан необходим для культуры всего Каменного пояса. Уже даже по тем направлениям, которые заложены в программу реставрации и развития музея-завода, понятно, что рамки музея-отраслевого для него узки. Потому-то, сколько ни печальной была мысль о недостатке понимания, покидал я Тагил с уверенностью: ни директор музея-заповедника, ни его сотрудники не отступятся от своего замысла — сделать родину «старого соболя» уникальным музеем страны.